

М.В. Симонова

Е.И. ПУГАЧЁВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматривается эволюция оценок отечественными историками личности и деятельности Емельяна Ивановича Пугачёва, который возглавил крестьянское восстание в Российской империи в 1773–1775 гг. Автор приходит к выводу, что эти оценки всегда носили тенденционный характер. Историки дореволюционного периода высказывались о Пугачеве негативно. В советский период Пугачёв был представлен как идеальный народный герой. Современная историография рисует вождя восстания как авантюриста.

Ключевые слова: Е.И. Пугачёв; отечественная историография; исторический портрет.

Самым знаменитым из всех крестьянских вождей является Емельян Иванович Пугачёв, возглавивший самое крупное крестьянское восстание в истории России. Личность его всегда привлекала внимание историков, писателей, публицистов, хотя реальных фактов из его жизни до сих пор найти удалось немного.

Основной массив информации о жизни и деятельности Е.И. Пугачёва изъят из материалов его допросов во время следствия по делу восстания. Помимо дополнительных допросов и очных ставок с участниками восстания, было три основных допроса Пугачёва в 1774 г.: 1) в Яицком городке 16 сентября; 2) в Симбирске с 3 по 6 октября; 3) в Москве с 4 по 14 ноября. Материалы первых двух допросов были опубликованы в периодическом издании – «Чтения Общества истории и древностей российских» в 1858 г. [1]. Материалы последнего допроса от 4 ноября 1774 г. были опубликованы в 1935 г. в журнале «Красный архив» С. Пионтковским [2]. Многие историки в своих работах использовали именно этот документ для анализа личности Пугачёва, так как третий допрос является самым объёмным и подробным. В нём содержатся следующие сведения о жизни и деятельности Е.И. Пугачёва.

Е.И. Пугачёв родился в 1742 г. на Дону в Зимовейской станице. В юности помогал отцу в обработке земли. В 17 лет женился на Софье Дмитриевне Недюевой. В этот же год был отправлен в Пруссию (период Семилетней войны). После возвращения был отправлен на Ветку на территории Речи Посполитой (центр старообрядчества в современной Гомельской области в Беларуси) для отлова беглецов и их возвращения в Россию. Участвовал в первой Русско-турецкой войне, а именно сражался при осаде Бендер. В походе заболел и вернулся на Дон. На Дону содействовал побегу мужа своей сестры, из-за чего был вынужден начать скрываться. 9 февраля 1772 г. первый раз был арестован. После второго побега скрывался в Польше на Ветке. Там получил паспорт и вернулся в Россию, на Терек. Далее деятельность Пугачёва связана с событиями на Яике. Он узнаёт о восстании яицких казаков и об их готовности поддержать антиправительственное движение.

Так как эти сведения совпадают по своему содержанию в работах большей части исследователей, то мы не будем к ним возвращаться, а остановимся более подробно на расхождениях в оценках и интерпретациях действий Пугачёва во время восстания. Важ-

ность и значительность событий 1773–1774 гг. были очевидными, поэтому уже в честь столетия восстания издавались научные работы. Одной из них стала книга «Казань 12 июля 1774 года» П.П. Васильева [3]. Издание книги приурочено к столетию со дня нашествия Пугачёва на Казань (12 июля 1774 г.). В этой работе Пугачёв и его армия представлены как шайка разорителей города. Никаких конкретных характеристик личности вождя восстания не приведено. Сама работа носит обзорный характер и совсем небольшая по объёму – пять страниц текста.

Первым исследователем, кто смог увидеть архивные материалы пугачёвского дела стал, Яков Карлович Грот. Исследователь не занимался специально изучением восстания Пугачёва, он работал над изданием сочинений Державина и составлением его биографии. Но впоследствии им были опубликованы материалы, относящиеся к пугачёвщине, которые он смог изучить в архивах [4]. Николай Фёдорович Дубровин первым был допущен к работе с материалами следственного дела над Е.И. Пугачёвым. Его работа насыщена сносками на источники [5].

Ещё один крупный исследователь событий пугачёвского бунта – Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов. Его книга «Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири» впервые была издана в 1895 г. В ней объёмными кусками приводятся отрывки документов или целые документы. Но комментарии к этим текстам мало, оценок событий почти нет. Повествование идёт от лица правительственной стороны. Есть показания перебежчиков из лагеря Пугачёва – Ивана Белоносова и сотника Сутормина, в которых содержатся сведения о внешности Пугачёва, но особое внимание уделено злодейским действиям вождя восстания. Это и понятно, раз изложение даётся по материалам правительства. Портрет Е.И. Пугачёва таков: «Пугачёв роста среднего, волосы и борода чёрные, под правым глазом рубец, лицом бел, немного сухощав, платье на нём казацкое, шаровары малинового бархату, мерлушка чёрная, рубашка белая косой ворот, волосы обриты под кружало и немножко сверху спущены. <...> Многие из Яицких казаков хотят тоже бежать от него, но опасаются напрасной смерти, потому что злодей вешает за самонадеянные вины» [6. С. 36]. Автор приводит показания крестьянина Усть-Суэрской слободы Петра Шалобанова, который утверждал, будто «Пётр Фёдорович» получил благословение на царство от папы римского [Там же. С. 156]. Ещё один

человек – ссыльный колодник, содержащийся в Омской тюрьме, Василий Морозов утверждал, что после воцарения Екатерины II царь Пётр Фёдорович укрывался у папы римского [6. С. 156]. В этих показаниях отражаются попытки следователей найти след пугачёвщины за границей.

В целом работы дореволюционного периода являются описательными, которые иллюстрируют ход событий восстания. Оценок вождя восстания немного, но если они и встречаются, то являются негативными. Это подтверждают материалы книги П.Е. Мельгуновой «Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век».

В книге целый раздел посвящён восстанию Пугачёва. В этот раздел входят материалы переписки о происходящих событиях Екатерины II, графа П.И. Панина, С. Долгорукого; сведения о том, как проходило восстание в Тамбовском крае; отрывки из воспоминаний А.Т. Болотова о взятии и казни Пугачёва. Все материалы отражают определённое настроение в обществе по отношению к Е.И. Пугачёву. Показательно сообщение А.Т. Болотова о казни Пугачёва. Это было зрелище, увидеть которое было много желающих. Сам автор смог увидеть казнь Е. Пугачёва из места с хорошим обозрением. Оценка события видна в следующем отрывке: «...можно было происшествие и зрелище тогдашнее почтеть и назвать истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем» [7. С. 225]. Описание внешнего вида самого Пугачёва показывает разочарование автора, несоответствие образа вождя действительности, который распространялся: «Вид и образ показался мне совсем несоответствующим таким деяниям, какие производил сей изверг. Он походил не столько на лютого разбойника, как на какого-либо маркитантишка или харчевника плюгавого. Бородка небольшая, волосы включенные и весь вид ничего незначущий и столь мало похожий на покойного императора Петра Третьего...» [Там же. С. 226]. Здесь же приведены свидетельства ещё одного очевидца – И.И. Дмитриева, которому в 1775 г. было четырнадцать лет. В них содержится отражение того впечатления, которое Пугачёв производил во время восстания: «Оренбургской губернии в казацком городке Яике, прозванном потом Уральским, появился донской казак прозвищем Пугачёв, под именем бывшего императора Петра Третьего. Он собрал нарочитое войско из тамошних казаков, всякой сволочи и распространил ужас по всему краю» [Там же. С. 228]. Внешнее описание схоже с тем, которое давал А.Т. Болотов: «Я не заметил в лице его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет; роста среднего, лицом смугл и бледен; глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, чёрные и небольшую бородку клином» [Там же. С. 230].

Советский период в изучении крестьянских движений был более плодотворным, судя по объёму издаваемых работ. Стали появляться труды, посвящённые региональной истории. Так, в 1931 г. Т.В. Васильев издал книгу «Мордовия». Автор описывает историю мордовского народа, в том числе участие мордвы в пугачёвщине. Он упоминает, что легенды о Пугачёве среди мордовского населения сохранились.

Например, он сообщает легенду о том, как Е.И. Пугачёв укрывался в семье у мордвина по имени Юрка. Однако сведений о личности Т.В. Васильев не приводит [8. С. 82].

В 1937 г. вышел сборник документов «Емельян Пугачёв в Нижнем Поволжье» [9]. В книге собраны опубликованные материалы, связанные с пребыванием Пугачёва на Волге. В ней прослеживается апологетика Разина и Пугачёва с первых строк введения. При составлении книги использовались документы из сборников «Пугачёвщина», журнала «Красный Архив» и «Материалы по истории Пугачёвского бунта» Я.К. Грота. Исследователь советского периода Михаил Васильевич Жижка использовал огромный массив архивных документов в своей работе «Емельян Пугачёв»: дела VI разряда Государственного архива, Пугачёвский фонд Панинского архива, которые хранятся в Центральном государственном архиве. Основная масса используемой литературы – это материалы, выпущенные в XIX в.

М.В. Жижка приводит много новых фактов из жизни Е.И. Пугачёва. Изначально после выхода из Ветки, где Е.И. Пугачёв какое-то время укрывался, он просто пытался бежать как можно дальше от властей [10. С. 15]. Затем возникла идея увести яицких казаков на Кубань, по примеру казаков-некрасовцев. Переломным моментом в судьбе Пугачёва, по мнению историка, стала его встреча с раскольником-монахом Филаретом Семёновым, что привело к идее назваться императором [Там же. С. 18]. Прибыв в Яицкий городок, Пугачёв на базаре выведывал обстановку в городе и в среде казаков. Он выяснил, что из-за притеснений они были готовы на крайние меры. После того, как он прибыл в Яицкий городок и стал распускать слухи о том, что хочет увести казаков на реку Лабу, его снова арестовали. Это был уже четвёртый арест и четвёртый побег. Емельян Иванович не мог бездействовать и быть пассивным: «Он жаждал широкой деятельности и стремился окунуться в самый бурный водоворот событий, происходивших в Яицком городке» [10. С. 33]. Автор напрямую связывает мотивы деятельности Пугачёва с его осознанием тяжёлого положения трудящихся масс. Крестьянство с огромным сочувствием относилось к деяниям Пугачёва, поэтому всячески ему помогало.

Характеристика, которую исследователь приводит, является ярким показателем его явного расположения к личности атамана: «Пугачёв был человеком незаурядным. Серьёзная жизненная школа помогла ему хорошо изучить психологию людей. Его ум, смелость, находчивость, его кипучая энергия внушали обаяние. Он умел влиять на массы, и они в него верили» [Там же. С. 49]. Крайне негативно автор отзывался о казаках, предавших Пугачёва. Обращает М.В. Жижка внимание на роль раскольников в восстании Пугачёва. Эту идею развивает современный автор Алексей Юрьевич Щербakov.

Выделены промахи Пугачёва, которые относятся к событиям января 1774 г. Е.И. Пугачёв уехал из-под Оренбурга в момент всеобщего наступления правительственных войск, а также затеял несвоевременную женитьбу на казачке Устинье Кузнецовой. Интересно,

что Пугачёв выступает инициатором женитьбы на казачке, хотя последующие историки будут утверждать, что это было организовано яицкими казаками для того, чтобы их связь с Е.И. Пугачёвым была ещё крепче. При этом М.В. Жижка приводит показания пугачёвцев, которые свидетельствовали о том, что многие были недовольны этой женитьбой.

В 1951 г. вышла стенограмма публичной лекции доктора исторических наук Михаила Порфирьевича Вяткина о Емельяне Пугачёве. Говоря о самом вожде восстания, М.П. Вяткин кратко пересказывает содержание материалов последнего допроса Е.И. Пугачёва от 4 ноября 1774 г. с привлечением показаний других лиц, каким-либо образом причастных к Пугачёву.

Автор пытался передать настроение Е.И. Пугачёва для определения мотивов его деятельности: «Пугачёв возвращался в Россию с непримиримой ненавистью к царскому правительству. Он видел бедственное положение и бесправие крепостного крестьянства, видел безудержный произвол помещиков» [11. С. 14]. По предположению М.П. Вяткина, идея представиться Петром Фёдоровичем возникла у Пугачёва во время посещения им Яицкого городка. Выделены слабые стороны движения Пугачёва: он не смог до конца преодолеть национальную вражду между участниками выступления, разрозненность их действий. Большое внимание уделено деятельности сподвижника Пугачёва – Ивану Зарубину (по прозвищу Чика), как организатору восстания.

Учёный Ростовского государственного университета Александр Павлович Пронштейн в 1961 г. (за год до защиты своей диссертации «Земля Донская в XVIII в.») издал сборник документов под названием «Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 годов». В сборник вошли документы, которые отражают участие донских и волжских казаков в пугачёвском восстании. Большая часть из этих документов была опубликована впервые. Розыск документов проводился как в центральных государственных архивах, так и в областных (Ростов, Астрахань).

Составитель сборника обращает внимание читателя на то, что основная масса документов создавалась чиновниками правительственных учреждений – «защитниками самодержавного строя»: «...текст изобилует злобными выражениями по адресу Е. Пугачёва и его сторонников» [12. С. 4].

Огромную по объёму работу по изучению восстания Е.И. Пугачёва провёл историк Юрий Александрович Лимонов. В 1965 и 1974 гг. Ю.А. Лимонов совместно с В.В. Мавродиным и В.М. Панеяхом выпустил работы о пугачёвщине [13, 14]. Повествование о Е.И. Пугачёве начинается с приведения сведений о его деде – Михаиле Пугаче. Сделано предположение, что раз он являлся выходцем из Зимовейской станицы, то, возможно, его семья имела украинское происхождение. Это предположение основано на том, что станица была расположена на малороссийских землях. Емельян Иванович был самым младшим среди детей своей семьи. Исследователь приводит интересные сведения о старшем брате Пугачёва – Дементии. Так как Дементий не был замешан в восстании, он «был освобождён от присмотра, награждён 100 руб-

лями с приказанием впредь именоваться “Дементием Ивановым”» [13. С. 8]. Это указывает на стремление властей искоренить даже саму фамилию Пугачёва после восстания.

По словам автора, Е.И. Пугачёв всегда имел желание отличиться от других. Приведена его следующая характеристика: «...натура Пугачёва – свободолюбивая, упорная, настойчивая, храбрая, осторожная» [Там же. С. 10]. Идея объявить себя царём Петром Фёдоровичем возникает на Добрянском форпосте в Польше. Причиной возникновения этой идеи выступить от имени царя назван «наивный монархизм» крестьянства, о котором писал ещё К.В. Чистов в своей работе. У Пугачёва было семь предшественников, которые именовали себя Петром III. По дороге из Польши Пугачёв представлялся богатым купцом, повидавшим Царьград и Египет.

Некоторые факты из биографии Пугачёва интерпретируются по-разному в работах советских авторов. Например, по сведениям Ю.А. Лимонова, купец Щелоков не проявил особой активности, чтобы помочь Пугачёву освободиться из тюрьмы в Казани. А тяжёлые кандалы сняли с него по причине болезни. По Х.И. Муратову, Щелоков вёл переговоры с губернатором и секретарём по поводу Пугачёва. А упоминаемые кандалы сняли после разговора Пугачёва и секретаря, когда Пугачёв стал жаловаться на невероятную их тяжесть. А.Ю. Лимонов считал, что Пугачёву довелось увидеть много несправедливости в государственном режиме, поэтому он решает с этим устройством бороться, а не бежать от него. Своим ближайшим соратникам Пугачёв признался, что царём он не являлся, но они поддерживали его из-за собственных целей. Все пугачёвцы были твёрдо убеждены в правоте своего дела. Качества личности самого Пугачёва, по словам историка, завоёвывали сердца и люди поддерживали его с такой неукротимостью. Интересный факт – на знамёнах Пугачёва был раскольничий крест. Это наводит на мысль, что, возможно, он был старовером. Многие историки поднимали этот вопрос, и мы ещё вернёмся к нему.

Огромное значение для казачества имел захват Оренбурга, так как они видели в нём источник основных зол для себя. Он являлся стратегическим центром обороны, экономическим центром региона, а также административным центром региона, из которого исходили все распоряжения относительно яицкого казачества. Пугачёв хотел захватить Оренбург именно в угоду казакам. Зависимость Пугачёва от яицких казаков подтверждает и его женитьба на казачке Устинье Кузнецовой. Этим они хотели теснее привязать его к себе.

Все лозунги и обращения Пугачёва были дифференцированы: каждой категории населения было обещано то, в чём она нуждалась. Но не было у Пугачёва чёткого представления о том, каково должно быть устройство государства после его победы: «Манифесты, указы и обращения Пугачёва пронизывают неясные мечты о воле, труде, равенстве, справедливости» [Там же. С. 28].

Ю.А. Лимонов анализирует отзывы современников о Е.И. Пугачёве и заключает, что отвагу, решительность и храбрость признавали и друзья, и недру-

ги. Историк ссылается на переписку Екатерины II с Вольтером от ноября 1774 г., где она пишет о смелости и решительности Пугачёва. По отзывам самих пугачёвцев, Емельян Иванович был отменным артиллеристом, хорошим минёром. Владел разными видами оружия, был опытным наездником. В общении Пугачёв использовал наречие донских казаков. Был склонен к фантазированию. Был очень добр и своим заступничеством, по словам историка, спас жизнь многим людям из вражеского стана; не допускал мародёрства в своём лагере.

Не обделён вниманием историка и внешний облик казацкого вождя. Приведено описание Е.И. Пугачёва, взятое из его паспорта, который им был получен на Добрянском форпосте в августе 1772 г. при переходе русско-польской границы: «...росту два аршина четыре вершка с половиной <...> волосы на голове тёмно-русые и борода чёрная с сединой, от золотухи на левом виску шрам» [13. С. 32]. Также приведены словесные описания Пугачёва, которые были даны его первой женой Софьей Дмитриевной Недюжевой, соратником Максимом Шигаевым, корнетом Пустоваловым и несколькими видевшими его простыми людьми. Историк считает неправомерным ставить вопрос о тактических ошибках Пугачёва, так как было множество объективных причин, по которым, казацкий вождь просто не мог поступить по-другому: «...следует не перечислять “ошибки” Пугачёва, а отметить его место в истории трудового народа России» [Там же. С. 36].

В 1973 г. в СССР широко отмечалось 200-летие начала восстания под предводительством Е.И. Пугачёва, поэтому этот период (1973–1975) характеризуется наличием огромного числа работ, посвящённых данному событию. В этой связи в 1975 г. вышла в свет ещё одна книга Ю.А. Лимонова «Емельян Пугачёв и его соратники». Она книга не многим отличается по своему содержанию от предыдущих работ автора. Есть сообщение о том, когда Пугачёв начинает открыто называться Петром III. Это происходит, по его словам, после побега из Казани. В своём лагере Пугачёв систематически устраивал званые обеды для своих ближайших сподвижников. Эти обеды всегда сопровождались песнями и изрядным количеством спиртного. Сам же Е.И. Пугачёв не злоупотреблял горячительными напитками.

Историк Х.И. Муратов провёл анализ причин, по которым население поддержало Е.И. Пугачёва. В 1760-е гг. сложилась сложная ситуация для крестьян. Угнетению подвергались не только русские, но и башкиры, татары, киргизы, казахи, удмурты, мордва, чуваш. Наблюдалось наступление на казацкие вольности. Так, например, яицкие казаки были в этот период лишены всех элементов самоуправления.

Идея представиться Петром III возникла во время нахождения Е. Пугачёва в Польше. Но она созрела не у самого Пугачёва, а у Алексея Семёнова и купца Коженикова, который даже предложил Пугачёву выслать деньги в случае необходимости. Впервые называться царём Пугачёв стал во время поездки из Мечетной слободы на Яик с целью разведать там обстановку. Очевидно, что этот вопрос о том, когда и где стал именоваться себя Пугачёв покойным императором,

стал спорным и до конца не разрешимым. Основные характеристики Е.И. Пугачёва, которыми наделяет его Х.И. Муратов: хитрость, наличие острого желания продемонстрировать уровень своей власти и своего превосходства. Это иллюстрирует сюжет со знаменитым портретом Пугачёва, который был написан по верху портрета Екатерины II. Х.И. Муратов, как А.Ю. Лимонов, заключает, что во время своих странствий Е.И. Пугачёв повидал много бедствий угнетаемого народа и именно поэтому у него родилась идея поднять народ на восстание.

Описание внешности Е.И. Пугачёва Х.И. Муратовым приводит к мысли, что речь идёт о былинном персонаже: «...широкие, богатырские плечи, тёмно-русые волосы, остриженные по-казацки в кружок, чёрная борода и пронизательные карие глаза» [15. С. 26]. Ещё один апологетический образ автор рисует в момент, когда Пугачёв впервые предстаёт перед казаками в образе царя: «Перед ними был человек, много видевший и много переживший. Умный, пронизательный взгляд, многочисленные морщины, преждевременно избороздившие лоб, седеющая в тридцать лет борода явились тому красноречивыми свидетелями» [15. С. 30].

События, которые затем вылились в пугачёвское восстание, по словам автора, произошли по воле случая, т.е. не были спланированы: «Однажды Степан Максимович (Оболяев) пригласил Пугачёва в баню. Когда Пугачёв разделся, Оболяев обратил внимание на какие-то знаки на груди Емельяна Ивановича. Это были следы золотухи, которой Пугачёв когда-то болел» [Там же. С. 27]. Эти следы Е.И. Пугачёв представил как царские отметины. Кроме этого автор подчёркивает, что Пугачёв обладал всеми необходимыми качествами для руководства: энергичность, смелость, находчивость, военный опыт и т.д. Таким образом, историки советского периода видели в Пугачёве личность энергичную, целеустремлённую и всецело проникшуюся идеей помощи простому угнетённому народу, очевидно также, что многие характеристики классово акцентированы.

После 1991 г. интерес к персоне Емельяна Ивановича не утихает. Продолжают печататься сборники документов, уточняются факты его биографии, изменяются оценки событий.

В 1997 г. произошла первая публикация протоколов следственных показаний Е.И. Пугачёва в сборнике, подготовленном Р.В. Овчинниковым. Во введении Пугачёву дана небольшая характеристика: «За время службы Пугачёв побывал во многих местах Европейской России, на Украине, в Польше, Восточной Пруссии и в Бессарабии. Будучи человеком свободолюбивым и предприимчивым, он с годами стал тяготиться доставшейся ему судьбой и, наконец, решившись, оставил службу, родную станицу и семью и отправился на поиски лучшей доли и вольной жизни» [16. С. 6]. Людей в нём привлекали его энергия и страстная жажда лучшей жизни. Р.В. Овчинников считает, что восстание Пугачёв готовил, оно не было спонтанным.

Оценка Пугачёва не однобока, показаны как положительные, так и отрицательные его черты: «Ему присущи были редкостная энергия, неукротимая воля

и смелость, великодушие, верность избранному пути, сострадание к угнетённому народу. Но порою в поступках его проявлялось и плутовство, и коварство, и мстительность, и даже жестокость» [16. С. 24].

При анализе материала первого допроса Пугачёва Мавриным, историк обратил внимание на то, что в нём не встречаются уничтожающие характеристики Пугачёва и его соратников. По его мнению, это связано с тем, что дознаватель проникся уважением к Пугачёву из-за его достойного и мужественного поведения во время допроса. Именно этот допрос исследователь считает наиболее достоверным. Материалы допросов в Симбирске основаны на ложных показаниях Пугачёва, так как его пытали. Допрашивал и пытал П.С. Потёмкин. Пугачёв оговаривал всех, кого только мог вспомнить. Но из материалов этого допроса всё же можно почерпнуть информацию, соответствующую действительности с опорой на критический анализ. Удивляет историка феноменальная память мятежника, в которой сохранились множественные подробности его жизни.

Во введении указанного сборника характеризуются личности дознавателей и лиц, которые прямо или косвенно принимали участие в следствии по делу Пугачёва. Состояние же самого Е.И. Пугачёва во время следствия было не самым лучшим. Уже в Москве были опасения за его жизнь. Относительно следа старообрядцев в деле восстания, указано, что раскольники, имена которых называл Пугачёв на следствии, при допросах и очных ставках свою причастность к организации восстания отрицали. Учтена тенденциозность в оценках действий пугачёвцев, что выражалось «в чрезмерном внимании следствия к фактам расправ повстанцев со своими врагами, причём факты такого рода преподносились в протоколах дознания в извращённом виде» [Там же. С. 53].

Авторы книги «О воззрениях русского народа» (2000) поставили перед собой задачу рассказать «на профессиональном уровне, опираясь на многообразные и достоверные источники, о тех представлениях русских, которые наиболее характерны для них, как народа, органично присущи им, как русским» [17. С. 3]. Основой повествования является рассказ о религиозной стороне жизни русских, так как православие являлось основой их жизни. Проведены аналогии с современностью. Две части книги из трёх посвящены именно религии и её восприятию народом. Третья часть представляет отношение русских к отечеству и царю. По мнению автора, это отношение отчётливо видно в переломные моменты истории. Как важнейшая особенность исторической памяти выступает избирательность: «Народное сознание выделяет наиболее значимые эпохи и события» [Там же. С. 423]. Вплоть до XIX в. память о каких-либо событиях передавалась устно в виде исторического фольклора, в котором также содержалась оценка событий. При этом все жанры народного творчества имели свои законы развития (былины, песни, предания). Подобные труды могут помочь сформировать образ личности крестьянского вождя в народном представлении.

Фольклор, содержащий сведения о Пугачёве, обычно разделяют на два блока: 1) повествования о

Пугачёве – императоре Петре Фёдоровиче; 2) короткие рассказы об отдельных событиях восстания и о пугачёвских кладах. Сбор основного фольклорного материала по теме проходил в 60–70-е гг. XIX в. Историки утверждают, что первым собирателем фольклора о Пугачёве был А.С. Пушкин, который совершил поездку по местам восстания. Удивительно, но по сравнению с объёмом материала о Разине, объём сведений о Пугачёве более скуден и география распространения тоже невелика. О восстании С.Т. Разина было известно даже жителям Сибири, что подтверждает работа С.Р. Хмыровой [18]. Авторы утверждают, что скудость песен и преданий о Пугачёве не является показателем того, что их было мало и что они не пелись. Основной мотив песен пугачёвского цикла – расправа пугачёвцев с господами-помещиками – «рассказы эти похожи один на другой, они вполне устойчивы и лишены фантастического элемента» [17. С. 473].

В крестьянской среде также встречались антипугачёвские песни и предания. Авторы приводят пример такой песни: при царице Екатерине жилось народу хорошо, но пришёл на землю Русскую Пугачёв и стал нарушителем спокойной жизни народа и государства. В подобных песнях подвергается осуждению жестокости Пугачёва и его соратников. Крестьяне вспоминали, как пугачёвцы расправлялись со священниками, с господами, которым они сострадали в их положении. Есть предания, в которых говорится о том, как крестьяне вооружались и учились стрелять, чтобы отбиваться от пугачёвцев. Хотя при всём этом крестьяне не оспаривали масштабность событий пугачёвщины, что также отражается в преданиях. Например, некоторые губернии вели своё летоисчисление от восстания Пугачёва, когда соотносили то или иное событие с восстанием (было оно до, во время или после пугачёвщины).

Примечательно, что песни о народных вождях часто переплетались по сюжету. Так авторы книги приводят в пример песни, где в одном временном пространстве живут и содействуют Ермак Тимофеевич, Разин, Мазепа, Отрепьев. Или песни, в которых Разин переносится в XVI в. и помогает Ивану Грозному брать Казань, или даже сам берёт Казань: «На основе разинского репертуара довольно часто возникали песни о Пугачёве. Так была создана песня “Пугачёв в Астрахани”» [Там же. С. 475]. В песнях встречалось и упоминание о Пугачёве как помощнике Разина. Приведены записи беседы Н.И. Костомарова со столетним стариком, который ещё видел Пугачёва. Старик показал следующее: «Тогда иные думали, что Пугачёв-то и есть Стенька Разин, сто лет кончилось, и он вышел из своей горы» [Там же. С. 476].

Обобщающая характеристика Е.И. Пугачёва дана в журнале «Наша история. 100 великих имён» за 2010 г. Журнал позиционирует себя как энциклопедическая коллекция. Номер издания полностью посвящён Е.И. Пугачёву. В небольшом вступлении он характеризуется следующим образом: «Донской казак, в силу стечения обстоятельств, ставший бродягой, решил бороться с несправедливостью окружающего мира самым отчаянным образом – и превратился в самозванца». Описание происхождения атамана совпадает

с работами предшествующих историков: начало повествования с судьбы деда Емельяна Ивановича, от которого он перенял прозвище «Пугач»; описано его участие в Семилетней войне; участие в отлове беглых в Польше; болезнь золотухой во время Русско-турецкой войны. Слишком многое в биографии Пугачёва и его действиях отводится случайности: «Прожив в Черкасске около двух недель, Пугачёв принял роковое решение: он вздумал съездить в Таганрог, где жила сестра Федосья с мужем Симоном Павловым» [19. С. 8].

Сделано замечание, касающееся внешнего облика Пугачёва, на основе его паспорта, выданного на Добрянском форпосте в 1772 г. при переходе польско-русской границы: «Обратите внимание: 30-летний Пугачёв уже начал седесть. Десяток лет он, несомненно, добавил от себя, но характерно, что это не вызвало подозрений у пограничников. Видимо, потрясения последнего года сказались и на его внешнем облике» [Там же. С. 10]. Власть Пугачёва охарактеризована как демонстративная, нежели действительная. Так, например, когда Е.И. Пугачёв отлучился из Бердской станицы, казаки расправились с его любовницей Татьяной Харловой.

В журнале содержится самый поверхностный историографический обзор, это скорее обобщённое восприятие образа Пугачёва в разные периоды. XVIII–XIX вв. характеризуются вытравливанием любых упоминаний о восстании и его руководителе. Дошло даже до переименования Зимовейской станицы в Потёмкинскую станицу, а Яика в Урал. В этот же период самого руководителя восстания именовали «Емелькой»: «Он был “вор”, “злодей”, “изверг”, “разбойник”, и его превращение в такового объяснялось исключительно дурными свойствами его характера» [Там же. С. 29]. Показательным произведением XIX в. названа работа Н.Ф. Дубровина, которая уже самим названием своим («Пугачёв и его сообщники») подчёркивает преступный характер деятельности Е.И. Пугачёва. Переломным моментом в отношении к Пугачёву стала «Капитанская дочка» Пушкина. После революции та же самая станица, где родился Пугачёв, снова была переименована в Пугачёвскую, так как сам Е.И. Пугачёв стал символом освободительной народной борьбы. В советский период «Капитанская дочка» не раз была сыграна на сцене театра и переснята кинорежиссёрами. В современный период появились, по выражению авторов журнала, «сниженные версии» «Капитанской дочки». Речь идёт об одноимённом мультфильме и мюзикле «Куда путь держишь, Ваше благородие?..». Помимо официальной версии и художественного образа Пугачёва, уделено внимание народному мнению, которое являлось полярным официальной версии.

Интересен взгляд петербургского журналиста Алексея Юрьевича Щербакова в его книге «Емельян Пугачёв. Изнанка Золотого века». Пугачёв, по мнению А.Ю. Щербакова, не обладал талантом военачальника, но был великим авантюристом, которому «даже не пришлось направлять движение бунта, он просто следовал ему» [20. С. 6]. Им использованы материалы допросов и агитационных писем, материа-

лы правительственных распоряжений, работы А.С. Пушкина, Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, Н. Ваиленко, А. Иванова, Л. Агеевой, Н. Шефова, В. Буганова, М. Пинегина. Исследователь предположил, что Е.И. Пугачёв передвигался по так называемым дорогам. Под этим понятием он подразумевает систему явок «при которых людей передают от одного к другому, им предоставляют кров и сообщают заодно местные особенности – куда стоит соваться, а какое место лучше обойти по широкому кругу – и так далее» [20. С. 79]. Автор сообщает, что старообрядцы проложили такие «дороги» по всей территории вплоть до Алтая.

Помимо версии о том, что Пугачёву могли помогать староверы, автор разобрал версии о поляках и французах. Он заключает, что ни поляки, ни французы не могли помогать Пугачёву. Ещё одной силой, которая могла оказать поддержку или влияние на деятельность Пугачёва, по мнению автора, являлась Блистательная Порты. Автор это подтверждает тем, что изначальная агитация Пугачёва заключалась в призыве казаков уйти на р. Лабу по примеру казаков-некрасовцев. Осуществить это можно было через старообрядцев (некрасовцы также были староверами).

28 мая 1773 г. – это дата побега Пугачёва из Казани. Но о его бегстве сообщение было написано только через семь дней, а также были разосланы увещания в те места, где Пугачёв не мог находиться. Эти сведения наталкивают Щербакова на мысль о том, что это было сделано при поддержке старообрядцев: «...всем было хорошо заплачено» [Там же. С. 137].

Автор останавливается на подробном анализе вооружения Пугачёва. Из показаний Михаила Кожевникова следует, что на встречу с яицкими казаками он пришёл с винтовкой: «Стреляющее средство, которое называли винтовкой, было более известно как штуцер, оно являлось нарезным дульнозарядным ружьём. Это было элитное оружие во всех отношениях» [Там же. С. 142]. Опять же автор считает, что именно старообрядцы позаботились о таком снаряжении Пугачёва.

А.Ю. Щербаков поднял вопрос о монете с портретом Петра III и надписью «Redivivus et uitor» («Воскрес и мщущ»), чеканенной в лагере Пугачёва. Он отмечает, что этих монет никто не видел, хотя из материалов допроса Пугачёва видно, что его спрашивали о выпускаемых им монетах. Автор заключает, что монеты в лагере Е.И. Пугачёва всё-таки чеканились. Их выпустили в Алатыре. Приведено описание этой монеты современного нумизмата Евгения Арсюхина. Это были медные деньги с портретом Пугачёва и гербом Людовика XIV (в Поволжье было много жетонов с подражанием его герба).

При описании действий пугачёвцев в Саранске, исследователь приводит материалы, собранные местным краеведом. Интересно, что, судя по этим материалам, все местные жители, местные города прекрасно знали, что к городу приближается Пугачёв, который не является Петром III, но, тем не менее, его ждали с нетерпением и соблюдали все необходимые условности поведения при встрече «царской особы». А.Ю. Щербаков высказал предположение, что Екате-

рина II целенаправленно старалась сохранить память о Пугачёве, а не наоборот. Так как, по его мнению, переименования объектов и сожжение домов Пугачёва еще более его прославляло. Это делалось якобы для устрашения помещиков, чтобы они помнили, как может быть гнев озлобленного народа.

Своё видение личности Е.И. Пугачёва изложил Евгений Николаевич Трефилов в книге «Пугачёв». Е.Н. Трефилов в своей работе опирался не только на изданные источники, но и на неопубликованные архивные материалы. Автор уверен, что Пугачёв не был раскольником. В этом вопросе он ссылается на показания самого Пугачёва и его первой жены Софьи, которые никак не были связаны (показания его жены были получены до его ареста). Е.Н. Трефилов считает несостоятельным утверждение В.В. Мавродина о том, что Пугачёв впервые испытал жестокость крепостной системы, когда был наказан плетью за то, что упустил лошадь полковника Денисова во время пребывания на фронте Семилетней войны. Исследователь полагает, что подобная мера наказания не могла быть видена и испытана Пугачёвым впервые, так как казаки также применяли телесные наказания: «...эта версия несостоятельна хотя бы потому, что Пугачёв был наказан за оплошность своим же казачьим полковником» [21. С. 19]. Автор соглашается с мнением В.Я. Мауля о том, что самооценка Пугачёва была чрезмерно высока, что сказывалось на его восприятии происходивших событий. В том числе, это могло сказаться на том, что Е.И. Пугачёв запомнил эти побои и сам о них рассказывал на следствии.

Историк подвергает жёсткой критике достоверность показаний Пугачёва на следствии. С одной стороны, он выявил много разногласий в показаниях, пытаясь определить где правда, а где вымысел. Для этого исследователь предпринял параллельный анализ источников, сравнивая показания Пугачёва и лиц, которых он упоминал в допросах. Например, в побеге во время его конвоирования из станицы Чирской в Черкасск в 1772 г., он оговорил Лукьяна Ивановича Худякова. Пугачёв утверждал, что именно Худяков спланировал и организовал его побег, но сам Худяков это отрицал на следствии. Автор склоняется к версии Худякова. С другой стороны, исследователь указывает, что Пугачёв начал оговаривать других в тех или иных действиях после того, как на допросе в Симбирске к нему начали применять физические меры давле-

ния – пытки. Так, на первом допросе Е.И. Пугачёв утверждал, что он по собственной инициативе принял имя покойного императора. Во время второго допроса, после истязаний, он оговаривает в этом Логачёва и Кожевникова. Уже на третьем допросе в Москве «Пугачёв превратил этот оговор в красочный рассказ» [21. С. 47].

Автор однозначно утверждает об отсутствии заговора старообрядцев, так как «заговорщики» «палец о палец не ударили для осуществления своего предприятия» [Там же. С. 49]. Таким образом, исследователь заключает, что Пугачёв самостоятельно принял на себя имя Петра Фёдоровича, так как Пугачёв врал и до этого, выдавая себя то старовером, то богатым купцом. Историк отвергает идею советских историков о том, что целью деятельности Пугачёва было сострадание к простому народу. Но при этом он не исключает, что Пугачёв действительно испытывал подобные чувства.

Подводя итог, можно говорить, что в отечественной историографии личность Е.И. Пугачёва оценивается неоднозначно. В дореволюционный период работы историков носили описательный характер, составленные на основе архивных материалов, которые имели ярко тенденциозный характер, вследствие чего деятельность Пугачёва оценивалась негативно. Историки советского периода опирались на классовую идеологию марксизма, поэтому Пугачёв предстаёт как народный герой, сочувствовавший тяготам населения. Но, надо отдать должное, советские историки издали огромный массив документов по пугачёвщине. Современные исследователи представляют Е.И. Пугачёва как жертву случая, которая смогла выплеснуть свою неутомимую чрезмерную энергию. Кроме этого, его оценка перестала быть однобокой. Появились материалы, которые подтверждают, что среди населения были сочувствовавшие Пугачёву, были и те, которые оказывали ему сопротивление.

В ходе анализа литературы выделились спорные вопросы: 1) когда и где Е.И. Пугачёв решил именоваться Петром III? 2) было ли восстание спланированным? 3) какова роль старообрядцев в восстании? Эти вопросы подлежат дальнейшему изучению, так как являются важными для понимания сущности пугачёвщины. Ответы на второй и третий вопросы могут дать объяснение реальных мотивов деятельности пугачёвцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы отечественные. Допросы Пугачёва // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1858. Апрель–Июнь. Книга вторая. (626 с.) С. 1–52. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book8180/461576>, свободный (дата обращения: 18.09.2016).
2. Допрос Е.И. Пугачёва в Тайной экспедиции в Москве 4 ноября 1774 г. // Красный архив. 1935. Т. 2–3. С. 159–237. (часть 1, часть 2) / предисл. С. Пионтковского. URL: http://annales.info/sbo/contents/ka.htm#35_2, свободный (дата обращения: 11.09.2016).
3. Васильев П.П. (1840–1883.). Казань 12 июля 1774 года: [К столетию восстания Пугачёва] / [Соч.] П-льева. Казань : Унив. тип., 1874. 8 с. Авт. установлен по изд.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов... М., 1957. Т. 2. С. 340.
4. Грот Я.К. Материалы для истории Пугачёвского бунта: Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачёва. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1876. 144 с.
5. Дубровин Н.Ф. Пугачёв и его сообщники: Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг.: по неизданным источникам. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1884. Т. 1–3.
6. Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачёвский бунт в Зауралье и Сибири: [16+]. М. : Вече, 2013. 283 с.
7. Мельгунова П.Е. Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век : сб. отрывков из зап., воспоминаний и писем сост. П.Е. Мельгуновой, К.В. Сивковым и Н.П. Сидоровым. М. : Задруга, 1914–1923. Ч. 1–2.
8. Васильев Т.В. Мордовия. М. : Центриздат, 1931. 207 с.

9. Емельян Пугачев в Нижнем Поволжье: [Документы]. Сталинград : Обл. кн-во, 1937. 134 с.
10. Жижка М.В. Емельян Пугачев / под ред. В.И. Лебедева. 2-е изд. М. : Учпедгиз, 1950. 216 с.
11. Вяткин М.П. Емельян Пугачев : стенограмма публичной лекции... : д-р ист. наук М.П. Вяткин ; Всесоюз. о-во по распространению пол-лит. и науч. знаний. Ленингр. отд-ние. Л., 1951. 40 с.
12. Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 годов : сб. док. / Архивный отд. Упр. внутр. дел Рост. облсполкома / под ред. А.П. Пронштейна. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1961. 231 с.
13. Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М. Пугачев и его сподвижники / Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории. М. ; Л. : Наука. [Ленингр. отд-ние], 1965. 140 с.
14. Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М. Пугачев и пугачевцы. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 188 с.; 20 см. (Научно-популярная серия / АН СССР).
15. Муратов Х.И. Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева. М. : Просвещение, 1970. 160 с.
16. Емельян Пугачев на следствии : сб. док. и материалов / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Рос. гос. арх. древ. актов; [сост. Р.В. Овчинников, А.С. Светенко]. М. : Языки рус. культуры, 1997. 463 с.
17. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа / Ин-т этнологии и антропологии Рос. Акад. наук. М. : Паломникъ, 2000. 541 с.
18. Хмырова С.Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII – конце XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 23 с.
19. Наша история. 100 великих имен: еженедельное издание / издатель и учредитель: ООО «Де Агостини». М. : Де Агостини, 2010.
20. Щербаков А.Ю. Емельян Пугачев. Изнанка Золотого века. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2014. 396 с.
21. Трефилов Е.Н. Пугачев: [16+]. М. : Молодая гвардия, 2015. 398 с. вып. 1732 (1532).

Статья представлена научной редакцией «История» 25 марта 2019 г.

Yemelyan Pugachev in Russian Historiography

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 155–163.

DOI: 10.17223/15617793/444/20

Marina V. Simonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: simonova_marina42rus@mail.ru

Keywords: Yemelyan Pugachev; Russian historiography; historical portrait.

The aim of the article was the review of the assessments of the personality of Yemelyan Pugachev made by Russian historians. Pugachev led a Russian rebellion in 1773–74 that became the biggest revolt in Russia in the eighteenth century. The sources of the article were the works of Russian historians: monographs, articles, lecture materials. The author divided the works of Russian historians into three periods: pre-revolutionary, Soviet and modern. Using a comparative historical method, the author revealed certain tendencies of the making of Pugachev's image in each of the periods of national historiography. The author came to the following conclusions. Pre-revolutionary historians' works could be considered narrative because sources of information about this period were hardly accessible. Materials of the commission of inquiry that was running Pugachev's rebellion investigation are the main source of studying Pugachevshchina. Ya.K. Grot was the first to see the investigation materials, and N.F. Dubrovin was the first to examine them. Therefore, their works can be considered as compilations made up of texts of documents. Pugachev himself is presented as an anti-state villain in these works, since the main part of them was governmental materials. Many works related to peasant speeches were published during the Soviet period. This was due to the Marxist ideology. The leaders of these speeches were presented as national heroes and liberators worried about the rights of poor people. This was the then image of Pugachev. Some authors (e.g., A.Yu. Limonov) even opposed any criticism of Pugachev and justified all his actions by objective circumstances. Still, we must pay tribute to Soviet historians who published a great number of documents about Pugachev's rebellion. They worked in central and regional archives. During the Soviet period, the Pugachevshchina study started to be carried out in regions: the Volga, Mordovia, Ural, and others. Modern historians are making a detailed analysis of the investigation materials. They pay attention to the investigators who were questioning Pugachev and his accomplices. Pugachev's personality assessment stops being one-sided with either positive or negative sides only. Now we know that it was not only Cossacks that were aware of the spuriousness of the "emperor" Pugachev was trying to pretend to be, but also peasants that he met in the villages knew who he really was. They kindly welcomed him because of the fear of being defeated. Some peasants even tried to resist. At the same time, this information is not contained in governmental records only, but in the folk stories and songs about Pugachev as well. Another feature of modern historiography is that much of Pugachev's action is attributed to coincidence. However, during the rebellion he was able to apply all his tireless energy Soviet historians wrote about.

REFERENCES

1. Imperial Society of Russian History and Antiquities. (1959) *Materialy otechestvennye. Dopyrosy Pugacheva* [Russian materials. Interrogations of Pugachev]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete*. April–June. Book 2. pp. 1–52. [Online] Available from: <http://www.runivers.ru/lib/book8180/461576>. (Accessed: 18.09.2016).
2. Krasnyy arkhiv. (1935) Dopyros E.I. Pugacheva v Taynoy ekspeditsii v Moskve 4 noyabrya 1774 g. [Interrogation of E.I. Pugachev in the Secret Office in Moscow on November 4, 1774]. *Krasnyy arkhiv*. 2–3. pp. 159–237. [Online] Available from: http://annales.info/sbo/contens/ka.htm#35_2. (Accessed: 11.09.2016).
3. Vasil'ev, P.P. (1874) *Kazan' 12 iyulya 1774 goda: [K stoletiyu vosstaniya Pugacheva]* [Kazan, July 12, 1774: [On the centenary of Pugachev's rebellion]]. Kazan': Univ. tip.
4. Grot, Ya.K. (1876) *Materialy dlya istorii Pugachevskogo bunta: Bumagi, odnosyashchiesya k poslednemu periodu myatezha i k poimke Pugacheva* [Materials for the history of Pugachev's rebellion: Papers relating to the last period of the revolt and the capture of Pugachev]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
5. Dubrovin, N.F. (1884) *Pugachev i ego soobshchniki: Epizod iz istorii tsarstvovaniya imperatritsy Ekateriny II. 1773–1774 gg.: po neizdannym istochnikam* [Pugachev and his accomplices: Episode from the history of the reign of Empress Catherine II. 1773–1774: according to unpublished sources]. Vols 1–3. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.
6. Dmitriev-Mamonov, A.I. (2013) *Pugachevskiy bunt v Zaural'e i Sibiri: [16+]* [Pugachev's rebellion in the Trans-Urals and Siberia: [16+]]. Moscow: Veche.
7. Mel'gunova, P.E. et al. (1914–1923) *Russkiy byt po vospominaniyam sovremennikov: XVIII vek: sb. otryvkov iz zap., vospominaniy i pisem* [Russian life according to the memoirs of contemporaries: 17th century: Extracts from notes, memories and letters]. Parts 1–2. Moscow: Zadruga.
8. Vasil'ev, T.V. (1931) *Mordoviya* [Mordovia]. Moscow: Tsentrizdat.

9. Aleseev, V. (1937) *Emel'yan Pugachev v Nizhnem Povolzh'e: [Dokumenty]* [Yemelyan Pugachev in the Lower Volga region]. Stalingrad: Obl. kn-vo.
10. Zhizhka, M.V. (1950) *Emel'yan Pugachev* [Yemelyan Pugachev]. 2nd ed. Moscow: Uchpedgiz.
11. Vyatkin, M.P. (1951) *Emel'yan Pugachev: stenogramma publichnoy lektsii* [Yemelyan Pugachev: transcript of a public lecture]. Leningrad: [s.n.].
12. Pronshteyn, A.P. (ed.) (1961) *Don i Nizhnee Povolzh'e v period krest'yanskoy voyny 1773–1775 godov: sb. dok.* [The Don and the Lower Volga region during the peasant war of 1773–75: Documents]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
13. Limonov, Yu.A., Mavrodin, V.V. & Paneyakh, V.M. (1965) *Pugachev i ego spodvizhniki* [Pugachev and his associates]. Moscow; Leningrad: Nauka.
14. Limonov, Yu.A., Mavrodin, V.V. & Paneyakh, V.M. (1974) *Pugachev i pugachevtsy* [Pugachev and Pugachev men]. Leningrad: Nauka.
15. Muratov, Kh.I. (1970) *Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom E.I. Pugacheva* [Peasant war led by Ye.I. Pugachev]. Moscow: Prosveshchenie.
16. Ovchinnikov, R.V. & Svetenko, A.S. (1997) *Emel'yan Pugachev na sledstvii: sb. dok. i materialov* [Yemelyan Pugachev at the investigation: Documents and materials]. Moscow: Yazyki rus. kul'tury.
17. Gromyko, M.M. & Buganov, A.V. (2000) *O vozzreniyakh russkogo naroda* [On the views of the Russian people]. Moscow: Palomnik".
18. Khmyrova, S.R. (2006) *Istoricheskoe soznanie russkogo naseleniya Sibiri vo vtoroy chetverti XVIII – kontse XIX vv.* [The historical consciousness of the Russian population of Siberia in the second quarter of the 18th – the end of the 19th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
19. De Agostini. (2010) *Nasha istoriya. 100 velikikh imen* [Our hisstory. 100 great names]. Moscow: De Agostini.
20. Shcherbakov, A.Yu. (2014) *Emel'yan Pugachev. Iznanka Zolotogo veka* [Yemelyan Pugachev. The reverse side of the Golden Age]. Moscow: OLMA Media Grupp.
21. Trefilov, E.N. (2015) *Pugachev: [16+]*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).

Received: 25 March 2019